

Т.Е. Шипилова
T.E. Shipilova

**ОБРАЗ РЕБЕНКА И КАТЕГОРИЯ ДЕТСКОСТИ
В РОМАНАХ ЭНН БРОНТЕ**

**THE IMAGE OF A CHILD AND THE CATEGORY OF CHILDISHNESS
IN ANNE BRONTË'S NOVELS**

В статье рассматривается образ ребенка в двух романах Энн Бронте с опорой на биографический и историко-типологический методы с учетом компаративистского анализа. Темы детства и детскости разрабатывались Энн Бронте с опорой на личный опыт, претерпевая глубокое художественное переосмысление для обозначения четкой авторской позиции и решения собственных эстетических задач. Рассматривая образ ребенка и категорию детскости в обоих романах, можно прийти к выводу, что мотив детства разрабатывается автором всегда глубоко, но выполняет разные функции. В первом романе «Агнес Грей» писательница решает отобразить сложности воспитания детей английской аристократии и буржуазии, выбирая для этого дидактический формат противопоставления ребенка положительного и избалованного. Религиозный взгляд на социальную проблематику романа обеспечивает, с одной стороны, назидательность, с другой – глубокий психологический контекст, обеспечивающий широкую разработку темы. Во втором романе «Незнакомка из Уалдфелл-Холла» детские образы и герои, наделенные детскими чертами, выполняют вспомогательную функцию характеристики главной героини, но также создают контрастный рисунок по сравнению с изображением ребенка в первом романе.

Ключевые слова: викторианская литература, образ ребенка, детство, Энн Бронте.

The article examines the image of a child in two novels by Anne Brontë based on biographical and historical-typological methods, taking into account comparative analysis. The themes of childhood and childishness were developed by Anne Brontë based on personal experience, undergoing a deep art rethinking to indicate a clear author's position and solve her own aesthetic tasks. Considering the image of a child and the category of childishness in both novels, we can come to the conclusion that the motive of childhood is always developed by the author deeply, but it performs different functions. In her first novel, "Agnes Grey", the writer decides to display the difficulties of raising children of the English aristocracy and the bourgeoisie, choosing for this a didactic format of opposing a positive and spoiled child. On the one hand, the religious view on the social problems of the novel provides edification, on the other hand, deep psychological context that provides broad development of the subject. In the second novel, "The Tenant of Wildfell Hall", the children and characters, endowed with childish features, perform an auxiliary function of portraying the main character, but also create a contrasting pattern compared to the depiction of a child in the first novel.

В английской литературе детство, отличное от образа ребенка эпохи Просвещения, впервые со всей его имманентной ценностью начинает рассматриваться романтиками. У У. Блейка, например, в сборнике «Песни Невинности и Опыта» (первое издание относится к 1839 году) радостное мироощущение светлого восприятия жизни за счет чистоты детской души сменяется скорбными горькими чувствами: «лейтмотив первого сборника – детство радостное; лейтмотив второго – детство поруганное» [8].

Просветители большее внимание уделяли вопросам воспитания и образования, т.е., как замечает К.А. Мнацаканян в своей работе «Образ ребенка и категория детскости в викторианской литературной сказке», просветителей больше интересовал процесс «превращения ребенка в "правильного" взрослого, в образованного и лояльного члена взрослого социума» [9, 115]. В.А. Бячкова говорит о существующей модели ребенка, предложенной Ж.Ж. Руссо, концепция которой заключалась в образе «наивного, но от природы доброго и мудрого существа» [2, 22]. С.Б. Королева, опираясь на И.С. Кона, отмечает, что в английской литературе XVIII века образ ребенка нужен для того, чтобы создать контраст «между невинной детской душой и извращенной рассудочностью и холодностью поступков взрослого персонажа» [6, 91].

Но в XIX веке происходит углубление познания людей в области психологии, а потому и ребенок начинает интересовать писателей не только как антитеза взрослому, но и как самостоятельная тема, с которой в викторианскую прозу приходит ряд других мотивов: одиночество, сиротство, несправедливость, изнурительный труд, социальная несправедливость, тема смерти [6, 91]. Викторианское английское общество, по замечанию М.И. Крупениной, зачастую придерживалось взглядов Джона Уэсли, которые основывались на суждении Кальвина о том, что из-за первородного греха дети были неспособны к хорошим поступкам [7, 236]. Но писатели-гуманисты в большей мере опирались на идеи Руссо, что особенно видно по произведениям Ш. Бронте («Джейн Эйр») и Ч. Диккенса, в которых ребенок (зачастую сирота) сталкивается с жестоким, равнодушным и даже злым миром взрослых. В этот же период появляются новые литературные типы детей:

- ангелоподобный ребенок, кроткий ангел (Ч. Диккенс, Ч. Кингсли, Дж. Макдональд, Л. Кэрролл, Р.Л. Стивенсон, О. Уайлд, Дж.М. Барри, Дж. Мередит);
- образ всеразрушающего демона (Ч. Диккенс, Дж. Мередит, Т. Гарди);
- образ мальчика-труженика (Ф. Треллоуп);
- образ сильной, независимой и готовой трудиться девочки (Ш. Бронте) [3, 12].

Помимо широко разработанного образа ребенка, викторианская литература предлагает присмотреться еще к одному типу персонажей, которые являются носителями категории «детскости», то есть некоего комплекса психологических, интеллектуальных, нравственных и поведенческих характеристик, присущих ребенку» [9, 16]. Характеристики эти зачастую включают в себя ряд как положительных, так и отрицательных качеств. Например, один из словарей дает такое определение понятию «детскость»: это психические качества, свойственные детскому возрасту, но сохраняемые и в последующие возрастные периоды развития и жизнедеятельности. Сохранение взрослым человеком элементов детскости в себе есть благодарная память о детстве, проявление умения ее беречь, уважать свою жизнь и себя в ней, а также средство понимания нового поколения детей и умения жить с ними единой жизнью. Но излишняя детскость взрослого, проявляющаяся в профессиональной деятельности и даже в семейной жизни, может стать отрицательным качеством, именуемым инфантильностью [10, 228]. Словарь Ушакова под детскостью и вовсе подразумевает ребячество характера, неразумность, наивность, свойственные детям [12].

Черты детскости, причем, как с положительной, так и с отрицательной коннотацией, в героях викторианской литературы можно найти повсеместно: романы Диккенса широко исследованы; в романе Элизабет Гаскелл «Север и Юг» родители главной героини зачастую

ведут себя наивно, иногда даже инфантильно, и их юная дочь Маргарет вынуждена брать на себя заботу о семье и решение вопроса о судьбе опального брата; героиня романа «Жены и дочери» Молли Гибсон тоже наделена чертами детскости, но положительными: писательница изображает Молли-ребенка чувствительной, искренней и наивной, эти же качества она сохраняет и в уже более взрослом возрасте как антитеза образа Синтии, смелой, яркой, эмоциональной, но более расчетливой и меркантильной. Эмилия из «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея также обладает чертами детскости, и если вначале читателя это умиляет, то впоследствии начинает раздражать.

Для сестер Бронте и образ ребенка, и категория детскости имеет важнейшее значение в их первых (а в случае с Эмили – единственным) романах. Притом, что наиболее известны дебюты двух старших – «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал», но разработка образа ребенка у младшей Энн не менее интересна, а в каком-то смысле даже более оригинальна.

Анализ первого романа писательницы «Агнес Грей» чаще всего производится с опорой на биографический метод, и многие считают этот роман автобиографическим. Н.П. Михальская в своей вступительной статье к собранию сочинений Энн Бронте называет романы писательницы «одним из вариантов документальной прозы викторианской Англии» [1, 6]. Нельзя также не отметить возможность герменевтического подхода к изучению ее текстов, в особенности с опорой на теорию Ф. Шлейермахера, которая предполагает, что «полное изучение текста возможно только в связи с личностью автора» [13, 39].

Агнес Грей – героиня первого одноименного романа Энн Бронте, тихая, скромная, образованная девушка, нравственно чистая и наивная, несомненно обладающая качествами детскости. Ребенок в викторианской литературе – существо, выделяющееся из окружающей среды, способное критически оценить ее. Так и Агнес Грей выделяется в той среде, в которой оказывается, нанявшись гувернанткой: «...Я была единственным человеком в этом доме, кто неуклонно исповедовал высокие нравственные принципы, привычно говорил только правду и обычно стремился ставить долг превыше желаний...» [1, 61]. Мария Фроли, американская исследовательница, в своей книге «Anne Bronte» замечает, что «для многих читателей "Агнес Грей" на первый взгляд кажется образцом типичного романа социального протеста, так популярного в начале и середине викторианской эпохи – романа о гувернантке» [17, 82], т.е. гувернантка изображается в качестве жертвы социальных и экономических невзгод, поэтому художественные произведения, написанные о ней, становятся частью литературы «Condition of England» – романов о социальных проблемах Англии, которые стали появляться как раз в этот период. Такое впечатление роман производит лишь на первый взгляд, по жанровому же содержанию он близок роману воспитания: главная героиня взрослеет, учась на собственных ошибках и преодолевая как общественные, так и семейные предрассудки, ведь родные искренне считают ее ребенком. Так, диалоги семейства Грей полны патетических сомнений и нерешительности: мать считает, что младшая дочь «еще не научилась заботиться даже о себе», старшая сестра считает, что Агнес «даже не будет знать, как одеться», потому что «в чужом доме не будет ни меня, ни мамы, и ты должна будешь все делать и говорить сама за себя!» [1, 24]. Но Энн наделяет свою героиню поистине выдающимся упорством, которая жаждет «все решать за себя, дать применение своим пропадающим втуне способностям, испробовать свои силы» [1, 25]. Этот жизненный шаг когда-то сделала сама Энн и теперь делает ее героиня, не только бросая вызов самой себе, но и своей семье, относящийся к ней как к маленькому ребенку («хотя я-то считала себя взрослой, они все еще видели во мне маленькую девочку» [1, 23]).

Энн Бронте была самой младшей в семье, мать свою она не помнила (та умерла, когда дочери было полтора года [15, 102]), именно поэтому образ матери в ее романах особенно значим: на протяжении всей истории именно мать занимает важное место в жизни героини, как бы закрепляя за Агнес право оставаться взрослым ребенком, который в итоге все равно найдет приют рядом с материнским сердцем. При этом Энн, имея опыт работы непосредственно с детьми, создает яркую палитру детских образов уже в первом своем

романе [19, 441–442]. Если классический роман о гувернантке предполагает подчеркивание социальных и финансовых трудностей, с которыми сталкивается героиня, то Энн свою задачу явно усложняет, уходя от романтизации образа своей героини и освещая тему детства в викторианском обществе не совсем с привычного ракурса в сравнении с уже сложившейся литературной традицией. Главной задачей писательницы становится не только показать сложности викторианского детства и существования гувернантки в викторианском обществе, но и трудности воспитания детей английской аристократии и буржуазии, которые ни воспитываться, ни обучаться не хотят. Более того, такие дети показаны как существа жестокие, циничные и неуправляемые. Первая семья, где Агнес Грей должна была заниматься воспитанием Тома и Мэри Энн Блумфилдов, уже разбивает все надежды героини на обучение детей «в живой беседе, словно просто желая их развлечь» [1, 36]. Брат и сестра изображаются невоспитанными, невосдержанными, грубыми и жестокими. Более того, для их характеристики используются социально-лингвистические маркеры [5, 97]: родители заставляют называть их «мастер» (обращение к мальчикам, подразумевающее почтение и уважение; согласно Оксфордскому словарю, это обращение к мужчине, у которого есть слуги, и к мальчику, который впоследствии будет мистером [18, 957]) и «мисс», тем самым поощряя их высокомерное отношение ко всем окружающим.

Примечателен эпизод знакомства молодой гувернантки с воспитанниками и обращение Энн Бронте к образу птицы, который в контексте романа играет роль символа. Маленький Том Блумфилд ловит птиц, потому что «папа говорит, что они вредные», а потом либо «скармливает кошке», либо «режет на кусочки своим перочинным ножиком», либо «поджаривает живьем» [1, 31]. Невинные создания, так жестоко замученные, становятся символом самой Агнес, мучившейся от детской невоспитанности и жестокости (тут еще важно отметить, что имя самой главной героини означает «чистая, святая» или и вовсе «агнец», т.е. жертва за грехи всего мира).

В следующем эпизоде, когда Том приносит целый выводок еще не оперившихся птенцов и уверяет, что он «с ними разделается» («Слово благородного человека, уж я им покажу!» [1, 49]), описывается ужасная сцена: «И побуждаемая чувством долга, рискуя испытать отвратительную дурноту и навлечь на себя гнев моих нанимателей, я подняла большой камень, которым садовник подпираал мышеловку, и после еще одной попытки убедить маленького тирана вернуть гнездо на место я спросила, как он намерен поступить с птенчиками. С дьявольским упоением он начал перечислять всевозможные пытки, и тут я уронила камень на его несчастные жертвы, расплющив гнездо» [1, 49]. Убийство птенцов символизирует неудачу героини в попытке перевоспитать маленьких Блумфилдов. Естественно, не найдя поддержки у родителей подопечных и даже поспорив с миссис Блумфилд о том, есть ли издевательства над животными всего лишь «простая ребяческая прихоть» [1, 50] или же это противно христианской морали, Агнес вскоре покидает этот дом.

Все эти столкновения молодой гувернантки с родителями своих учеников ясно дают понять, что Энн Бронте придерживается не мнения уже упомянутого Джона Уэсли, а исходит из представлений Дж. Локка о среде, формирующей личность, и в своих романах показывает, что «в дурных семьях дети растут жестокими» [11].

Образу учеников-детей противопоставляется детские образы самой Агнес и ее сестры: в отличие от юных Блумфилдов, которые «ни к порицаниям, ни к похвалам чувствительны не были» [1, 35], Агнес вспоминает, что для нее самой «не было страшнее наказания, если со мной переставали разговаривать или называли плохой девочкой» [1, 38]. В этом усматривается протестантское воспитание Агнес и Мэри, отец которых, как и сестер-писательниц, был протестантским пастором.

Вторая семья, где работает Агнес Грей, была богаче, но дети воспитанием отличались ненамного больше. Нет смысла снова перечислять все их недостатки, потому что главное в этом втором опыте героини другое: она все-таки приобрела некоторые педагогические навыки и сумела расположить к себе двух девочек, которые были отданы ей

на воспитание. Эта вторая семья Мэррей важна не столько для того, чтобы опять показать, какие проблемы испытывало викторианское высшее общество с воспитанием своего потомства (хотя на портреты писательница не скупится), сколько для расширения романной проблематики: во второй части повествования одним из основных становится религиозный вопрос. Девочки сами замечают, что у их гувернантки «обо всем было свое твердое мнение, хотя подчас и очень скучное, – ведь она всегда думала о том, что хорошо, а что дурно, питала непонятное благоговение к религиозным вопросам и столь же непонятные симпатии к добродетельным людям» [1, 67]. С появлением мистера Уэстона, молодого священника, прототипом которого скорее всего послужил Уильям Уэйтмен, друг семьи Бронте [16, 138], все настойчивее проявляются религиозные мотивы и взгляды самой писательницы. И.А. Елисеева приводит слова Ф.Б. Пинниона: «С переездом Агнес в Хортон Лодж <...> намного больше членов общества появляется в ее окружении, и новый викарий Мистер Уэстон <...> представлен не только для того, чтобы описать любовную историю, но и показать необходимость реформации церкви» [4, 71].

С образами девиц Мэррей связана критика ложной благодетели и нравственности: воспитанницы Агнес если и ходят навестить бедняков, то лишь для того, чтобы показать своим поклонникам, какие они милые и внимательные барышни. Старшая же, Розали, настолько тщеславна, что пытается привлечь внимание мистера Уэстона, прекрасно понимая, что ей самой он не нужен, а ее гувернантка ему симпатизирует. В итоге Розали выходит замуж за человека не очень приятной наружности, но очень большой важности – и счастливой не становится.

Эти религиозно-дидактические сигналы отвечают авторским идеям, которые следуют логике протестантской и общехристианской морали: человек, с детства обуреваемый страстями (тщеславием, упрямством, лицемерием), не может стать счастливым, если самостоятельно не приложит для этого усилий [6, 94].

Таким образом, ребенок в первом романе Энн Бронте обнажает проблему детства в викторианской – аристократической и буржуазной – среде. Подчеркнем, что от отпрысков именно таких семей страдает нравственный ребенок и в романах Шарлотты (Джейн Эйр – от Джона Рида) и Эмили Бронте (Хитклиф – от Хиндли Эрншо), Диккенса, Гаскелл, Треллопа, Гарди и др.

Во втором романе Энн «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» детские образы отходят на второй план, но делается это намеренно, потому что теперь главной стратегией произведения является психологическое становление героини. За «детскость» здесь отвечают второстепенные персонажи – сестра и брат главного героя Роза и Фергес Маркхэмы. Наивная простота первой, дурашливость второго и непосредственность их обоих позволяют приподнять завесу той «готической» тайны, которой окружила себя незнакомка Хелен Грехэм, приехавшая и поселившаяся в полузаброшенном имении Уайлдфелл-Холл. Розу совершенно не смущает желание новой соседки жить в уединении, она так или иначе напрашивается в гости, заставляет всех отправиться на пикник, тем самым вынуждая Хелен покинуть свою мрачную обитель. Фергес (который по типуажу схож с Фредом Винси из «Миддлмарча») и вовсе лишен какой-либо стеснительности, старший брат (главный герой Гилберт) считает его большим ребенком, который только к концу романа возьмется, наконец, за ум и даже станет неплохим фермером, а пока он докучает неудобными вопросами Хелен, пытаясь сорвать с нее покров таинственности: «Поражаюсь, миссис Грэхем, с чего вам вздумалось поселиться в этих древних развалинах?»; «...как вы способны выносить такое уединение?»; «О! Так, значит, вам было бы приятнее, если бы мы остались дома и не докучали вам!»; «...Значит, вам следует разрешить такие недоумения: во-первых, относительно вашего рождения, а также происхождения и места прежнего жительства» [1, 194–195]. Главной героине приходится открываться, пока еще сохраняя для читателя свою «готическую» тайну.

В образе же непосредственного ребенка явлен сын Хелен – Артур-младший, выписанный по сравнению с воспитанниками Агнес Грей скуднее: нет детализации и

натуралистических реалий, как в первом романе, но сюжетное внимание заострено на изменении его характера, связанного с избавлением от тлетворного влияния отца и приятием благотворного – матери.

Отец героя – Артур Хантингдон не только сам злоупотребляет алкоголем, но и приучает к нему пятилетнего ребенка, учит сына сквернословию, неуважению матери, потаканию своим желаниям, т.е. всему тому, против чего когда-то восставало протестантское мировоззрение Агнес Грей. Взгляды Хелен аналогичные, что обеспечивает романному сюжету психологический и нравственный конфликт.

Жанр дневника позволяет обратиться к непосредственной рефлексии главной героини, заложницы неудачного брака, переживающей негативные изменения в своем сыне из-за тлетворного влияния отца. Писательница ни разу напрямую не высказывает своей личной оценки (эпистолярный и дневниковый жанры не позволяют этого сделать, постоянно смещая точки зрения: Артура младшего мы видим либо глазами его матери, либо глазами Гилберта, влюбленного в его мать), но сама созданная ситуация предоставляет возможность понять авторскую позицию. Важным в этом плане становится диалог в доме Маркхэмов, во время которого Хелен вступают в ожесточенную дискуссию по поводу воспитания детей, а в особенности, мальчиков, которые, будучи наделенными большим количеством прав, подвержены большим жизненным испытаниям.

Вообще для викторианского общества совершенно естественно предлагать детям вино. Как бы между делом Гилберт замечает: «матушка заметила, что пригубить-то вино он [сын Хелен. – Т.Ш.] должен!» [1, 173]. Резкое неприятие этого предложения Хелен вызывает волну негодования и заверений, что молодая мать в силу неопытности и чрезмерной заботы растит не будущего мужчину, а неженку, аргументируя общую позицию тем, что сила состоит не в «неведении соблазна», а «в умении и желании противиться» ему [1, 174]. Но если снова вспомнить личный опыт самой Энн Бронте (брат в этой семье злоупотреблял наркотиками и алкоголем и умер от развившегося на фоне этого туберкулеза [14, 79]), то становится понятно, что из уст героини звучит авторский голос, высказывающий упрек: «покажите мне на пятьдесят... на пятьсот мужчин, уступивших искушению, хотя бы одного, у кого достало добродетели ему воспротивиться» [1, 174]. И пятилетний Артур являет собой результат кропотливой материнской заботы, ограждающей его от «самых омерзительных пороков», тем самым являясь нравственной антитезой образу ребенка, созданного Энн Бронте в ее первом романе «Агнес Грей».

1. Бронте Э. Агнес Грей; Незнакомка из Уайлдфелл-Холла; Стихотворения // Э. Бронте. М., 1990.
2. Бячкова В.А. «Граница детства» в викторианском романе // Мировая литература в контексте культуры, № 4. Пермь, 2015. С. 22–32.
3. Выговская Н.С. Образ детства в современной англоязычной литературе: интертекстуальный диалог: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018.
4. Елисеева И.А. «Вымышленная биография» Энн Бронте как тип автобиографического романа: дисс. ... канд. филол. наук. Орс, 2012.
5. Капусткина Е.С. Социолнгвистические маркеры образа гувернантки викторианской эпохи (на материале романов сестер Бронте) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, философия, Т. 25, № 2. Самара, 2019. С. 95–99.
6. Королева С.Б. Многоголосие и жажда счастья: образ детства в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, Т. 12, № 4. Пермь, 2020. С. 90–99.
7. Крупенина М.И. «Неважный народец»: «Большие надежды» и образ детства в викторианской Англии // Историческая и социально-образовательная мысль, Т. 7, № 7-2. Краснодар, 2015. С. 235–239.
8. Михальская Н.П., Аникин Г.В. История английской литературы. Уильям Блейк. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/mihalskaya-anikin-angliya/william-blake.htm> (дата обращения: 28.06.2023).

9. Мнацаканян К.А. Образ ребенка и категория детскости в викторианской литературной сказке // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: филология, № 3. М., 2007. С. 115–120.
10. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.
11. Сидорченко Л.В. Литература Западной Европы 19 века. Сестры Бронте. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/sidorchenko-sestry-bronte.htm> (дата обращения: 21.01.2023).
12. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 21.01.2023).
13. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.
14. Alexander C., Smith M. *The Oxford Companion to the Brontës*. Oxford University Press, 2004.
15. Barker J. *The Brontës*. St. Martin's Pr., 1996.
16. Gerin W. *Anne Brontë*. Allen Lane, 1976.
17. Frawley M.H. *Anne Bronte*. New York, 1996.
18. *Oxford Advanced Learner's Dictionary. Ninth Edition*. Oxford, 2015.
19. Thomson P. Review: Agnes Grey // *The Review of English Studies*. Vol. 41, № 163 (Aug.), 1990. P. 441–442.